

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1

ФРАНКОФОНΙΑ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ В БЕЛАРУСИ XVIII – XIX ВЕКОВ¹

канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)

На материале впервые вводимых в научный оборот поэтических сочинений членов Общества Иисуса, трудившихся на территории Беларуси во второй половине XVIII – начале XIX века, представлена франкофонная составляющая литературно-педагогической деятельности ордена в Полоцком коллегииуме и других его учебных заведениях. Прокомментированы и проанализированы панегирики, написанные иезуитами в честь их высоких покровителей в России: Екатерины II, князя Григория Потемкина, Павла I, Александра I. Прослежено, как менялась толика, образность этих произведений в соответствии с изменениями в политической и культурной жизни империи. Неизменными оставались лишь средство выражения (французский язык), основные религиозно-философские (опровержение идеологии французского Просвещения), литературно-педагогические задачи (обучение высокому слогу, служащему средством нравственного совершенствования сочинителя) и канон (классическое наследие французской словесности XVII века).

Введение. Прежде чем приступить к изложению основной части материала, необходимо внести ясность в использование некоторых понятий. Деятельность Общества Иисуса на территории Российской империи (прежде всего на белорусских землях) активно изучается в настоящее время многими историками, как отечественными [1], так и зарубежными [2; 3]. Однако никогда по отношению литературно-педагогической, просветительской деятельности иезуитов не использовалось понятие «франкофония». Орден развивает активную деятельность в Беларуси в эпоху, когда в Европе доминирует французский язык и связанная с ним философская, дипломатическая, бытовая культура. Для иезуитов же французская изящная словесность и философия – источник безнравственности. После революции 1789 года неприязнь ордена по отношению ко всему происходящему из Франции усиливается политическими мотивами. Уже и русские власти смотрят на новую европейскую республику с подозрением. Так, историк Общества Иисуса XIX века Станислав Заленский упоминает о реакции руководства иезуитов на просьбу братьев Сердца Иисусова принять их в лоно ордена в 1794 году: «О. Ленкевич, в то время вице-генерал, боялся, что принятие двадцати французов вызовет нареkania со стороны правительства, сильно настроенного против всего, что шло из Франции. Да и как применить столько иностранцев, которые не знали местного языка?»² [4, р. 33]. В том же году в Полоцке переиздается³ книга на французском языке под заглавием «Взгляд старого наблюдателя на происхождение французской революции» («*Coup d'œil d'un vieux observateur sur l'origine de la révolution française*»). Анонимный автор называет уничтожение ордена иезуитов «одной из главных причин этой революции» [5, р. 3]. Возникает закономерный вопрос: не идет ли речь скорее о франкофобии, чем о франкофонии?

У истоков франкоязычной литературы: панегирики князю Потемкину. Между тем изучение иезуитских изданий, выпущенных в Беларуси в 1772 – 1820 годах, показывает, что французский был третьим языком преподавания в коллегииумах ордена после латыни и польского. Французский язык появляется в учебных планах иезуитов в Беларуси в 1750-е годы, то есть на тридцать-сорок лет позже, чем в польских учебных заведениях [1, с. 96 – 97], однако быстро становится, в особенности после первого раздела Речи Посполитой и присоединения белорусских земель к России, важной школьной дисциплиной и средством поэтического творчества. Этот прогресс очевидным образом связан с галломанией русской политической и культурной элиты и задачами культурной политики Екатерины II.

В первые годы после первого раздела Речи Посполитой франкофония иезуитов выглядит скромной. Так, визит императрицы в Полоцк в 1780 году вызывает целый поток панегириков: стихи на французском ей подносят братья-доминиканцы из Полоцка [6], члены ордена св. Василия Великого из Толочина [7]. Лишь иезуиты, по всей вероятности, обходятся без франкоязычных подношений. По крайней мере, об этом можно судить по письму Екатерины II Фридриху Мельхиору Гримму от 20 (31) мая 1780 года: «Они

¹ Автор благодарит А.Ф. Строева (университет Париж 3, Новая Сорбонна) и Е.П. Гречаную (университет г. Орлеана) за ценные замечания и содействие при написании данной работы.

² Здесь и далее перевод с французского наш. – Д. К.

³ Первая публикация состоялась в том же 1794 году без указания места издания.

(иезуиты – Д. К.) наговорили мне всевозможных любезностей на всевозможных языках, кроме тех, что я понимаю» [8, с. 182]. Иронично-насмешливый тон императрицы отнюдь не осудителен. После ее визита Общество Иисуса получает еще больше разного рода привилегий на белорусских землях, но в то же время начинает соответствовать тем культурным требованиям, которые чутко уловили, но не сумели должным образом воплотить другие церковные ордена. С 1780-х годов иезуиты создают для своих высоких покровителей многоязычные сборники хвалебных стихотворений, в которых сочинения на латыни обычно занимают первое место, за ними следуют произведения на польском, а франкоязычным опусам отводится третья позиция.

Примером такого рода сборников является изданная в Полоцке в 1789 году книга стихов, прославляющих подвиги князя Григория Потемкина во время русско-турецкой войны 1787 – 1792 годов. Одно из двух франкоязычных произведений – «Стихи к портрету князя Потемкина» («Vers sur le portrait du prince Potemkin») – создано в традиционном жанре стихов к парадному портрету и удачно вписывается в общий контекст франкофонной литературы этого периода. В то же самое время русская поэзия, создававшаяся на французском языке в крупных аристократических салонах Санкт-Петербурга и Москвы, также обращается к данному жанру, но скорее в личном, нежели официальном тоне. По мнению Е.П. Гречаной, такие «оказиональные стихи могут включать “личные” акценты, ... проступающие несмотря на зачастую “непроницаемый” фон используемых готовых формул» [9, с. 236]. Однако произведение иезуитов не следует этой светской тенденции. Оно не воспроизводит ни одну характерную черту фаворита Екатерины II, не говоря об авторе, который, как всегда в иезуитских сборниках подобного рода, остается неизвестным. Сравнения и эпитеты заимствованы из классицистической поэзии, тон высказываний выпендренный и велеречивый:

L'Univers étonné de tes vastes projets,
 Grand Prince, de concert, célèbre tes succès,
 Le guerrier Te suivant de victoire en victoire,
 Exalte tes exploits, qui Te comblent de gloire.
 Le Cabinet des Rois vante un esprit profond,
 Qui Te fait deviner des grands desseins le fond.
 J'entends Minerve et Mars, que ton grand nom relève
 Se disputer l'honneur de T'avoir pour Élève [10, p. 65].

(Мироздание, изумленное твоими обширными проектами, // Великий Князь, согласно празднует твои успехи, // Воин, следующий за Тобой от победы к победе, // Прославляет твои подвиги, что исполняют тебя славой. // Кабинет королей превозносит глубокий ум, // Который позволяет тебе проникнуть вглубь великих замыслов. // Я слышу, как Минерва и Марс, которых твое великое имя восстанавливает, // оспаривают друг у друга честь признать тебя своим Учеником).

Даже упомянутая картина теряет реальность и становится идеальным портретом:

Qu'on Te peigne à la fois des Ottomans vainqueur,
 Mécène des Beaux Arts, des Ministres l'honneur :
 Ton portrait tout entier seroit-il vraisemblable,
 Si d'un Regne si beau tout n'étoit admirable? [10, p. 65].

(Пусть Тебя рисуют одновременно победителем турок, // Покровителем искусств, славой Министров: // Был бы ли весь твой портрет правдоподобным, // Если бы все при столь прекрасном царствовании не было восхитительным).

Как видно из последних двух строк, иезуиты не упускают случая связать имя своего покровителя с именем Екатерины II и воспеть ей славу, восхваляя одновременно Потемкина. Тот же прием обнаруживается во втором стихотворении «О его победах» («Sur ses victoires»):

Puissois-je, o POTEMKIN, Te louer en beaux vers,
 En vers dignes de toi, dignes de l'Univers,
 CATHERINE des Rois la gloire et le modèle
 Te remit tout le soin de venger sa querelle, [...]
 O s'ils avoient prévu l'admirable dessein,
 Que CATHERINE prit, d'armer contre eux ta main,
 Ils n'auroient pas couru la fortune sinistre
 De Te craindre Guerrier, aussi-bien que Ministre ! [10, p. 66].

(Смогу ли я, о ПОТЕМКИН, воспеть тебя в прекрасных стихах, // Стихах, достойных тебя, достойных мироздания, // ЕКАТЕРИНА, слава и образец Правителей // Поручила тебе отомстить за свою ссору, ... [...] Если бы они (турки – Д. К.) могли предвидеть восхитительный замысел, // Который ЕКАТЕРИНА предприняла – вложить в твою длань оружие против них, // Им не пришлось бы испытать суровую участь // Опасаться Тебя как Воина и как Министра).

Похвалы, расточаемые авторами этих стансов, носят абстрактный характер, заранее заданный используемыми готовыми формулами классицистических стихов на торжественный случай. В то же время

между иезуитами и князем Потемкиным сложились вполне конкретные деловые связи. Хотя исследователи не могут сказать, как и когда орден заручился поддержкой фаворита Екатерины II, они называют значительное количество благодеяний, оказанных им высоким покровителем: разрешение на въезд в пределы Российской Империи и присоединение для выехавших в Европу после упразднения ордена бывших собратьев, защита от анонимных памфлетов, финансовая помощь и прочее [11, с. 81 – 86]. Однако этим практическим аспектам отношений Потемкина и иезуитов места в одах не находится.

Между тем иезуиты открыто называют литературные образцы, которым они стремятся следовать. В последней строфе стихотворения по случаю победы князя Потемкина анонимный автор признает, что голос его слишком груб, чтобы восславить победителя, и уступает место поэтам, которые смогли бы справиться с этой задачей:

Arrête, dit Phébus, pour chanter ces merveilles,
Il faut les airs divins des Rousseaux, des Corneilles,
A ces mots tout confus des durs sons de ma voix,
Je me tais, grand héros, j'admire tes exploits [10, p. 67].

(Остановись, сказал Феб, чтобы воспеть эти чудеса, // Нужны божественные голоса Руссо и Корнелей, // При этих словах, смущенный грубыми звуками моего голоса, // Я замолкаю, великий герой, я восхищаюсь твоими подвигами).

Имя знаменитого трагика XVII века появляется в этой оде для точной рифмы и в качестве знака хорошего классического вкуса. Упоминание же «Руссо» во множественном числе («des Rousseaux»), очевидно, намекает на поэта Жана-Батиста Руссо и не является праздным. Этот французский автор, бывший в свое время учеником иезуитов, становится одним из учителей для франкоязычных сочинителей ордена в Беларуси в конце XVIII века. Стихотворцы из Общества Иисуса воспроизводят худшие из его эмфатических, восторженных интонаций, переходящих в «выспренность, гигантизм, галиматью», – так определил стиль Жана-Батиста Руссо Вольтер в «Вопросах об Энциклопедии» [12, p. 215]. Чтобы проиллюстрировать объект и характер заимствований, процитируем высмеянную Вольтером в статье «Энтузиазм» («Вопросы об Энциклопедии») «Оду на рождение герцога Бретани» («Ode sur la naissance du duc de Bretagne») Ж.-Б. Руссо и «Оду на восшествие на престол России Его Императорского Высочества Павла I» («Ode sur l'avènement de Sa Majesté Impériale Paul I au trône de Russie») белорусских иезуитов.

Où suis-je ? quel nouveau miracle
Tient encor mes sens enchantés
Quel vaste, quel pompeux spectacle
Frappe mes yeux épouvantés ! [13, p. 53].

(Где я? Что за новое чудо // Пленяет опять мои очарованные чувства // Что за обширное, торжественное зрелище // Потрясает мои испуганные очи!).

Quel aimable Titus allume
Un feu divin dans tous mes sens ?
Il me transporte & sous ma plume,
Mes vers se pressent en torrents [14, p. 104].

(Кто тот любезный Тит, что зажигает // Божественный огонь в моих чувствах? // Он приводит меня в восторг и под моим пером // Стихи струятся потоком).

«Образцовые» стихи в честь Павла I. «Ода на восшествие на престол России Его Императорского Высочества Павла I» имеет особенную судьбу, прослеженную в книге С. Заленского [4, p. 55, 63]. Это сочинение представляет меньший интерес в оригинальном контексте, многоязычном сборнике стихов в честь нового императора, «потерявшемся» между Полоцком и Петербургом в конце 1796 года, и в конце концов поднесенном Павлу I в Оршанском коллегии 27 апреля (8 мая) 1797 года. Гораздо продуктивнее обратиться к публикации этого текста в сборнике литературных произведений для обучения французскому языку, изданном в Полоцке в 1798 году [14]. Этот учебник также содержит, помимо нескольких стихотворений «наилучших авторов» (среди них по преимуществу литераторы XVII века – аббат Жак Тестю де Бельваль, граф Роже де Бюсси-Рабютен, автор «Любовной истории галлов», известный вольнодумец Жак Валле Де Барро, воспитанник иезуитов), оригинальные произведения преподобных отцов: сонет, два мадригала, басни в стихах и прозе, поучительные истории, стилистические упражнения и прочее. Этот широкий перечень жанров позволяет лучше определить поэтику иезуитов. Ее базовое правило общеизвестно: выбор сюжета и объекта изображения диктует стиль. Но к нему прибавляется специфическая черта: объект воздействует непосредственно на личность пишущего, «возносит» его над самим собой и заставляет стихи «струиться потоком».

Взаимодействие этих двух правил обнаруживается в сонете, опубликованном в упомянутом издании и служащим образцом для подражания для учеников как с точки зрения техники стихосложения, так и с точки зрения выбора субъекта изображения, настолько же «легкого», сколько и «прекрасного».

Chanter PAUL c'est, dit-on, entreprise hardie,
Qui doit longtemps donner la torture au cerveau.
Moi, je pense autrement, et soutiens, que sa vie
Est un sujet aussi facile qu'il est beau [14, p. 107 – 108].

(Воспевать ПАВЛА, говорят, – дерзкая затея, // Которая долго должна мучить ум. // Я же думаю иначе и уверяю, что его жизнь – // предмет настолько же легкий, сколь и прекрасный).

Император предстает не только как образец правителя, прекрасного, доброго и справедливого, но и так же, как тот, кто способен преобразить всякого изображающего его литератора:

Chacun peut réussir; le plus froid journaliste
Deviendra de ce prince un bon panégyriste,
En rapportant les faits nuds et sans ornement.

Mais il faudra qu'il sache écrire lestement,
Car PAUL marche à grands pas et fait en vingt journées
Plus qu'un autre souvent ne fait en vingt années [14, p. 108].

(Всякий может преуспеть; самый бесстрастный журналист // Станет благодаря этому государю хорошим панегиристом, // Передавая голые факты без прикрас. // Но нужно, чтобы он писал проворно, // Так как ПАВЕЛ шагает широким шагом и проходит за двадцать дней // Больше, чем иной за двадцать лет).

Способность, которой должен обладать панегирист Павла I, – «писать проворно» – напоминает об эпитете, который Екатерина II дала иезуитам Беларуси в уже упомянутом письме Гримму: «К нам они приехали отовсюду; черт побери, до чего же они проворны!» [8, с. 182]. Трудно утверждать однозначно, что императрица произнесла эти слова вслух до того, как их записала; скорее всего, речь идет о совпадении. В любом случае, умение «писать проворно» становится отличительной чертой стиля иезуитов.

Еще одна характерная особенность поэзии преподобных отцов заключается в использовании двусмысленных намеков, витиеватых аллюзий. Как и в панегириках князю Григорию Потемкину, анонимный автор «Оды на восшествие на престол России Его Императорского Высочества Павла I» на первый взгляд описывает реальные многочисленные благодеяния нового императора. Так, следующая строфа интерпретирует отзыв после смерти Екатерины II русского армейского корпуса, который должен был присоединиться к союзным германо-австрийским войскам, чтобы сражаться против республиканской Франции [15]:

Le peuple enrôlé pour la guerre,
Retourne à son premier Seigneur.
Au lieu d'ensanglanter la terre,
Il l'arrosera de sueur [14, p. 105].

(Народ, призванный на войну, // Возвращается к своему первому Владыке. // Вместо того чтобы проливать кровь на землю, // Он оросит ее потом).

Еще в одной строфе, по всей вероятности, представляются изменения в судьбе Александра Радищева в 1797 году:

Le banni loin de sa Patrie,
Calmant sa douleur et ses cris,
Des glaces de la Sibérie,
Regagne ses foyers chers [14, p. 105].

(Изгнанник, отправленный в ссылку далеко от Родины, // Утишив свои страдания и крики, // Из льдов Сибири // Возвращается к дорожному очагу).

Анонимный автор вряд ли знает настоящее положение дел и вольно или невольно подправляет истину в своем тексте. Радищеву в самом деле было позволено вернуться из Сибири, но его участь изменилась не настолько, чтобы «утишить страдания и крики». Таким образом, хвала милосердию Павла I, изначально поданная как выражение настоящего чувства, приобретает черты готовой поэтической формулы; вся строфа поддается двоякой интерпретации.

То же относится и к образу Петра I, появляющегося во многих одах в честь Павла I. По устойчивой традиции Петр Великий изображается в качестве божества, с небес взирающего на процветание России и славу многочисленного потомства. Таким он представлен в оде иезуитов, таким же его изображает Франц-Герман де Лафермьер в «Оде по случаю бракосочетания Его Императорского Высочества Великого Князя» (1773).

Et Toi, Fondateur de l'Empire,
Contemple dans tout son éclat
Ce jour, dont tu ne vis que luire
L'aurore propice de l'Etat [14, p. 105].

Pierre ! que ton œil est flatté
En voyant l'éclat de ton trône,
Que de toute part environne
Ta nombreuse postérité [16, p. 216].

(И ты, Основатель Империи, // Наблюдай во всем его блеске // Этот день, когда ты видел // Лишь благую Зарю Державы).

Петр! Как польщен твой взор // Блеском твоего трона, // Окруженного со всех сторон // Твоим многочисленным потомством).

Но то, что звучит естественно в произведении французского наставника будущего российского самодержца, становится не вполне правдоподобным в сочинении представителей ордена, изгнанного из пределов империи тем самым Петром I в 1719 году. Оды иезуитов отчасти объясняют, почему они получили от Екатерины II неоднократно повторенное ею в письмах к Гримму прозвище «мошенники» («соquins») [8, с. 22, 32, 138, 150, 162 – 163, 181 – 182]. Их стихотворения, называя известные имена и факты, скрывают в то же время истинные мотивы похвал и восторженных восклицаний, превращая их в двусмысленные намеки или готовые поэтические формулы.

Учебная литература на французском языке. Эта же особенность прослеживается в баснях, вошедших в «Сборник мыслей Цицерона, моральных максим...» 1798 года. Они дают ученикам двойной урок – правил поведения и правил чтения. Эти последние правила с трудом поддаются трактовке. Так, басня «Землепашец и Дитя» («Le Laboureur et l'Enfant»), вводящая традиционный для дидактических жанров иезуитов образ нерадивого и ветреного Ученика, содержит слишком неоднозначные намеки на «вредные» книги. Фабула же проста: Дитя, гуляя вдали от воспитателей, попадает на «луг, украшенный тысячью различных цветов» («une prairie ornée de mille différentes fleurs»). Не отдавая себе отчета в опасности и не обращая внимания на предостережения Землепашца, ветреник срывает цветок, получает укусы от Змеи. Мораль разъясняет аллегории следующим образом:

Voilà tout le fruit qu'on retire
De ces écrits licencieux
Dont ce pré nous offre l'image
On y cherche les fleurs, les beautés du langage,
Mais n'y trouve, hélas ! qu'un poison dangereux [14, p. 54].

(Вот плод, который приносят // Эти непристойные писания, // Картину которых дает нам этот луг // Там ищут цветов, красот языка, // Но находят, увы, лишь опасный яд).

Современному читателю, отстраненному от принципов и традиций иезуитской педагогики, трудно определить однозначно, какого рода литература подразумевается под «непристойными писаниями», так опасными для юношества. Могут быть рассмотрены две версии. Во-первых, и вероятнее всего, речь идет о философских трактатах, изливающих «опасный яд» сомнения и неверия. Иезуиты Беларуси усердно работали, особенно после смерти Екатерины II, поддерживавшей «философскую партию», над нейтрализацией воздействия этих сочинений на своих учеников и паству. В журнале «Месячник Полоцкий», издававшемся в 1818 – 1820 годах, практически в каждом номере помещались полемические статьи, направленные против философской мысли Просвещения и конкретно против материалистических и деистских идей Вольтера, Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Даламбера. Во-вторых, «цветы, красоты языка» могут отыскаться во фривольных французских романах. Хотя документы эпохи не предоставляют прямых свидетельств распространения этого рода литературы на белорусских землях вообще и непосредственно в учебных заведениях иезуитов, некоторые художественные тексты содержат любопытные косвенные упоминания. Один из наиболее известных выпускников Полоцкой иезуитской академии Ян Барщевский в повести «Драўляны дзядок і кабета Ісекта» иронично представляет одного нетвердого в вере персонажа: «Праслужыўшы гадоў пятнаццаць лёкаем у двары пана Н., ён прачытаў некалькі раманаў, перакладзеных з французскае мовы, і ўжо ўсе незвычайныя здарэнні былі яму зразумелыя, цуды і чары ён называў глупствам» [17, с. 288]. Новелла «Духи огня» из сборника «Шляхціц Завальня, альбо Беларусь у фантастычных апавяданнях» содержит очевидные переключки с «Влюбленным дьяволом» Ж. Казота [18].

Упомянув Полоцкую академию, логично перейти к анализу деятельности ее франкофонных наставников. С ее открытием в 1812 году наступает новый этап в развитии франкофонии иезуитов. Отныне французская литература становится частью учебной программы. Ее анализ позволяет определить литературный канон, которого придерживались преподаватели. Этот канон значительно разнообразнее и шире, чем скромный перечень имен и произведений, что дан в «Сборнике» 1798 года. Подборка произведений в нем преследует сугубо дидактическую, нравственно-религиозную цель – показать, как обращение к Богу позволяет возвысить поэзию вернувшихся в лоно веры вольнодумцев и богохульников¹. С. Заленский в приложении к своей книге воспроизводит краткий конспект курса французской литературы, который читался в 1818 / 1819 году учебном отцом Маттео Молилари [4, с. 401 – 402] и был составлен, помимо прочих, также на основании художественных достоинств тех или иных произведений. Курс начинается с анализа стиля ораторской прозы по лучшим проповедям В.Э. Флешье, Ж.Б. Боссюэ, Л. Бурдалу, Ж.-Б. Масийона, затем обращается к изучению описаний по образцам произведений Фенелона, Ж. де Лабрюйера, аббата Ж.-Ж. Бартелеми и Ф.-Р. де Шатобриана. Ученики также узнают о правилах написаний

¹ Таков, к примеру, «воспитательный контекст» сонета «(“Grand Dieux! Tes jugements sont remplis d'équité...”», в переводе А.П. Сумарокова, «Великий боже! Твой исполнен правдой суд...»), приписанного иезуитами вольнодумцу Де Барро без всяких оговорок. Вольтер утверждал, что истинным автором этого стихотворения является аббат Лаво [19, p. 370 – 371].

всех жанровых форм классической поэзии. Басня рассматривается на примере басен Лафонтена и Ламотта, эклога – на примере стихов Ж.-Б. Грессе, ода – по избранным сочинениям Ф. Малерба и Ж.-Б. Руссо.

В свой учебный курс отец Молилари вводит по преимуществу творчество бывших воспитанников или членов иезуитского ордена. Это обстоятельство позволяет, например, попасть в число лучших французских трагиков Кребийону-отцу с трагедией «Атрей и Тиест», хотя это его сочинение, как и некоторые другие, явно противоречит нормам христианской морали. Напротив, Вольтер, также бывший ученик иезуитов, не фигурирует в списке по понятным причинам. Вера является определяющим критерием не только для выбора авторов, но и произведений. Отец Молилари предлагает ученикам читать сочинения преимущественно на религиозную тематику. Так, он выбирает «Полиекта» Корнеля, оставляя в стороне «Сида» и «Горация»; вводит «Гофолию» и «Эстер» Расина, но не упоминает «Беренику» или «Федру». Кроме того, он «просматривает» в классах некоторые «непотребные и запрещенные стихотворения» [4, с. 402]. Автоцензура, черта иезуитов, которая отмечалась неоднократно, проявляется в этой фигуре умолчания: как и анонимный автор басни «Землепашец и Дитя», преподаватель литературы не называет по имени «непристойные писания». Наконец, отец Молилари, несмотря на ярко выраженную приверженность к творчеству классиков XVII века, пытается найти компромисс с литературой своей эпохи. Помимо изучения Шатобриана, единственного из авторов, вошедших в программу, кто был жив в 1818 году, преподаватель обращается к краткому анализу «новых» стихотворений, названия которых, так же как и «непотребных и запрещенных стихотворений», не приводятся.

Панегирики Александру I: от античной к библейской образности. Темы и мотивы Священного Писания преобладают в поэзии иезуитов в начале XIX века. Наступление нового столетия в России отмечено активной деятельностью библейского общества, этой «опасной секты», как ее называют преподаватели отцы [4, с. 209], значительным увеличением количества масонских лож и посвященных на белорусских землях [20, с. 28 – 30], наконец, сменой литературных вкусов. Все это в совокупности диктует франкофонным авторам Общества Иисуса изменения в стиле. Они обнаруживаются в многоязычном сборнике панегириков Александру I, изданном в Полоцке предположительно в 1814 году. Император уже не называется, как когда-то Екатерина II и князь Григорий Потемкин, «учеником Минервы и Марса» («*élève de Minerve et Mars*»)¹ или Титом, как Павел I. Два стихотворения на французском языке из этого сборника вводят образность не «языческую», а библейскую.

Дифирамб «Европа и религия, освобожденные новым Киrom» («*L'Europe et la religion mises en liberté par le nouveau Cyrus*») является парафразом глав 44 и 45 книги пророка Исаяи. Александр I, как представляет аллегорическое видение, повторяет подвиги древнего восточного царя. Российский император объявляется не только победителем «честолюбца» («*ambitieux*») и восстановителем легитимной монархии во Франции («*Accourez à sa voix, magnanimes Bourbons!*», «Придите на его глас, благородные Бурбоны!») [22, р. 46]. Александр I представлен прежде всего как освободитель папы римского, спаситель Рима и веры. Сам император, как об этом свидетельствует дифирамб, больше гордится любовью народа, чем славой своего оружия, и предпочитает «царить над сердцами» (эта же формула часто употреблялась по отношению к Елизавете Петровне и Екатерине II):

Règne, Alexandre, règne ! admirant ta puissance
La terre à tes genoux s'est tue en ta présence :
Mais tu sais dédaigner le laurier des vainqueurs
Pour un laurier plus beau... Tu règnes sur les cœurs [22, р. 49].

(Цари, Александр, цари! Восхищаясь твоим могуществом, // Земля, припав к твоим коленям, замолкла в твоём присутствии: // Но ты умеешь пренебречь лавровым венком победителей // В пользу более прекрасного венка... Ты царишь над сердцами).

Между тем образ нового Кира, восстанавливающего храм веры, не вполне соответствует реальному облику Александра I. Его склонность к мистицизму, протекция, которую он оказывал масонам, хорошо известны. Эти пристрастия оказывали существенное влияние на духовную жизнь и политические взгляды императора и, вполне возможно, были одной из нескольких причин изгнания иезуитов из России – решения, подсказанного его бывшим воспитателем Фредериком-Сезаром де Лагарпом [23]. Таким образом, стихи иезуитов в новом веке воспроизводят старое правило: преображать в соответствии с необходимостью черты того, кто воспевается в панегирике.

Этот принцип объясняет образность второго стихотворения на французском языке в честь «арбитра королей» («*arbitre des rois*»). В «Оде» победа императора обозначает триумф христианской веры и влечет за собой окончательное поражение философии Просвещения, которое с нетерпением ожидается иезуитами:

Mais toi Philosophe en démence
Impie, à l'œil faux et blafard,

¹ Ср. с обращением, с которого открывается послание Вольтера «Императрице России Екатерине II» (1771), – «*Elève d'Apollon, de Thémis et de Mars...*» («Ученица Аполлона, Фемиды и Марса...») [21, р. 308].

Qui dans ces traits de Providence
 Ne vois que les jeux du hazard ;
 Apprends que la croix des armées
 Et nos prières enflammées
 Ont attiré du Ciel la paix.
 Vois les mœurs, la piété tendre,
 Sur l'Europe à l'envi descendre,
 Et sois confondu pour jamais [22, p. 41].

(Но ты, безумный Философ, // Нечестивец с неверным и тусклым взором, // Который в этих чертах Провидения // Видишь только игру случая; // Узнай, что крест войск // И наши пламенные молитвы // Призвали с Неба мир. // Узри, как добрые нравы, нежная набожность, // Соперничая, спускаются на Европу // И смутись навсегда).

Эта мечта о конце «философии» является постоянно возвращающейся идеей белорусских иезуитов в 1810-е годы. Как уже говорилось, над ее воплощением работают авторы статей против Вольтера, Дидро, Ж.-Ж. Руссо в «Месячнике Полоцком». Кстати говоря, хотя этот журнал и издавался на польском языке, в нем присутствует также франкофонная составляющая: отец Жан-Луи де Лессег де Розавен – один из самых плодовитых полемистов ордена того времени, часто публиковавшийся в этом периодическом издании – «не знал местного языка и просил переводить свои статьи одного из собратьев» [24, p. 574]. Таким образом, иезуиты вновь используют французский язык, пусть и не в прямую, чтобы критиковать французскую цивилизацию Просвещения.

Закключение. Мы возвращаемся к вопросу, поставленному во введении к данной статье, чтобы дать на него двойной ответ. Иезуиты постоянно сопротивляются нововведениям, которые предлагает всей Европе деистская и материалистическая мысль французского Просвещения. Они провозглашают себя наследниками французской классической словесности XVII века и литературы, следующей за этой традицией. В то же время иезуиты умеют хорошо приспосабливаться к вкусам сменяющих друг друга покровителей. Со времен Екатерины II до правления ее внука Александра I многое изменилось в культурной жизни Российской империи, кроме интереса к французскому языку, выступающему в качестве знака утонченности и (или) инструмента политики. Общество Иисуса в Беларуси также изъясняется на этом языке для того, чтобы то заявить о себе, то скрыть свой облик; то учить, то превозносить. Образование иезуитов сохраняет консервативный характер, далекий от интересов светской культуры, но при этом преподобные отцы из отдаленной провинции большой империи интегрируются сами и вовлекают своих воспитанников в большое общеевропейское течение франкофонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова, Т.Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т.Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 425 с.
2. Инглот, М. Общество Иисуса в Российской империи (1772 – 1820 гг.) и его роль в повсеместном становлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 632 с.
3. Россия и иезуиты. 1772 – 1820 / отв. ред. М. Инглот, S.J., Е.С. Токарева; Ин-т всеобщ. истории РАН; Исторический ин-т Общества Иисуса. – М.: Наука, 2006. – 341 с.
4. Le P. Stanislas Zalenski de la Compagnie de Jésus. Les Jésuites de la Russie Blanche. T. 2 / le P. S. Zalenski; traduit du polonais par le P. Alexandre Vivier de la même Compagnie. – Paris: Letouzey et Ané, [1886]. – 492 p.
5. Coup d'œil d'un vieux observateur sur l'origine de la révolution française. – Réimprimé à Polock: S. n., [1794]. – 47 p.
6. Ode dédiée à Sa Majesté l'Imperatrice souveraine de toutes les Russies etc. par tout l'ordre de Saint Dominique à son arrivée à Polocque. – S. I, [1780]. – 8 p.
7. A la très auguste et sacrée Majesté Impériale de Catherine II, Impératrice de toutes les Russies, etc. à l'occasion de son heureuse arrivée dans les pays de Russie-Blanche ode dédiée par les écoliers de Tolocznyne sous legouvernement (sic) de religieux de l'Ordre de St. Basile le Grand. – S. I, [1780]. – 25 p.
8. Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1878. – Т. 23. – 734 с.
9. Гречаная, Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века) / Е.П. Гречаная. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 383 с.
10. Magnae Rossorum imperatricis Catharinae II. supremo copiarum Ducis Sacri Romani Imperii principi Georgio (sic) Alexandrowicz Taurico Potemkin plurimorum in Europa ordinum equiti ob fusos turcarum exercitus, expugnatas arces, atque provincias subactas, epinicium carmen dicatum voluit devinctissima suo

- nomini et honori, in Alba Russia Societatis Jesu, anno 1789. – [Polock]: In Privilegiata à Sua Imperatoria Majestates typographia Polocensi Collegii S.J., [1789]. – 78 p.
11. Петрова, М.А. Отношение к иезуитам Екатерины II и ее ближайшего окружения / М.А. Петрова // Россия и иезуиты. 1772 – 1820 / отв. ред. М. Инглот, S.J., Е.С. Токарева; Ин-т всеобщ. истории РАН; Исторический ин-т Общества Иисуса. – М.: Наука, 2006. – С. 61 – 90.
  12. [Voltaire]. Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs. T. 5 / [Voltaire]. – Genève, 1771. – 379 p.
  13. Œuvres choisies de J.-B. Rousseau, suivies des meilleures odes de Malherbe, Le Franc et autres lyriques fameux. – Lyon: Périsse frères, 1834. – 260 p.
  14. Recueil de pensées de Cicéron, de Maximes morales, de petits contes également propres à amuser & à inspirer le goût de la vertu, de Devoir de l'homme, de religion en général, de Droit naturel, de Fables, de Lettres, de narrations, de harangues, de poésies tirées des meilleurs auteurs, d'histoires de quatre premières monarchies. A l'usage de la jeune noblesse, qui étudie la langue françoise. Seconde partie. – A Polotsk, dans l'imprimerie du collège de la Compagnie de Jésus, 1798.
  15. Гребенщикова, Г.А. Русско-французские отношения во второй половине XVIII века и морская политика России / Г.А. Гребенщикова // Россия и Франция. XVIII – XX века. Вып. 9 / Ин-т всеобщ. истории РАН; отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. – М.: Наука, 2009. – С. 26 – 55.
  16. La Fermière, F. H. de. Fables et contes, dédiés à S. A. I. Mgr le grand duc de toutes les Russies... / F. H. de La Fermière. – Paris: Lacombe, 1775. – 233 p.
  17. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі; уклад., прадмова і камент. М. Хаўстовіча. – Мінск: Бел. кнігазбор, 1998. – 480 с.
  18. Хаўстовіч, М.В. Ян Баршчэўскі і тагачасная літаратура / М.В. Хаўстовіч // Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце (да 210-годдзя з дня нараджэння): зб. навук. артыкулаў удзельнікаў IV Міжнар. чытаньняў 18 – 19 мая 2004 г.; пад рэд. В.І. Русілікі, В.Ю. Бароўкі. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2004. – С. 128 – 132.
  19. Œuvres complètes de Voltaire. Vol. 47 / Voltaire; éd. Pierre Augustin Caron de Beaumarchais [et al.]. – [Kehl]: Impr. de la Société littéraire-typographique, 1785. – 552 p.
  20. Швед, В.В. Масоны і ложы на землях Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XIX ст.): бібліяграфічны слоўнік / В.В. Швед. – Гродно: ГрГУ, 2007. – 275 с.
  21. Oeuvres de Voltaire. Poésies. T. 13 / Voltaire; avec préfaces, avertissements, notes, etc. par M. Beuchot. – Paris: Firmin-Didot frères, 1833. – 419 p.
  22. Augustissimo ac potentissimo Alexandro I Imperatori et autocratori totius Rossiae de innumeris hostium Copiis Triumphatori magno Regnum Regnorumque Pacificatori Magnanimo, fundatori suo clementissimo Academia Polocensis Societatis Jesu D.D.D. – S. I., s. a. [Polotsk, 1814]. – 70 p.
  23. Инглот, М., S.J. Александр I, Фредерик-Сезар де Лагарп и изгнание иезуитов из Российской империи / М. Инглот, S.J. // Россия и иезуиты. 1772 – 1820; отв. ред. М. Инглот, S.J., Е.С. Токарева; Ин-т всеобщ. истории РАН; Исторический ин-т Общества Иисуса. – М.: Наука, 2006. – С. 266 – 284.
  24. Backer, Aug. de. Bibliothèque des écrivains de la compagnie de Jésus, ou Notices bibliographiques. Sixième série / Aug. de Backer, Al. de Backer. – Liège: L. Grandmont-Donders, 1861. – 800 p.

Поступила 06.06.2011

JESUITES' FRANCOPHONIE IN XVIII – XIX CENTURY BELARUS

D. KONDAKOV

The study is based on poetical works created in the late XVIIIth and early XIXth centuries by the Reverend Fathers of Jesus Society in Belarus. The pieces newly found and introduced for the first time in scientific use represent the francophone literary and pedagogic activity of the order in Polotsk collegium and its other schools. Panegyrics written by Jesuites for their friends at court, Catherine II, prince Grigory Potemkin, Paul I, Alexander I. The change in the topics and imagery of the works according to the political and cultural changes of the Empire is retraced. Only things unchanged were French language as a medium of communication, refutation of French Enlightenment ideology as a religious and philosophic goal, teaching elevated style as a way of moral development of the author, and canon in classical heritage of the XVIIth century French literature.